

...Девушка была как идол для остальных молодых людей, обучающихся в Башне Клыков. Некоторые мальчики даже буквально поклонялись ей. Этот мальчик тоже был одним из последних.

Среди студентов девушка получила прозвище "Ведьма Хаоса".

Даже непредвзятый сторонний наблюдатель не смог бы назвать ее менее сияющей. Даже если бы она не обладала всем этим, она все равно была бы драгоценным существом для мальчика. Мало того, что у них был один и тот же преподаватель, она была ему как сестра, старше его на пять лет, сколько он себя помнил.

Она часто жаловалась на то, что ей приходится делать короткие волосы из соображений практичности, но мальчик считал, что так ей больше идет. Однако он держал эту мысль при себе - вместо этого он просто пожимал плечами, когда она жаловалась на политику Башни в отношении длины волос, как бы говоря ей, что мы не можем нарушать правила по своему усмотрению, знаете ли. Возможно, для него это никогда не имело особого значения.

На самом деле, такое толкование было бы наиболее верным. Для него ее ценность лежала далеко за пределами поверхностные вещи, такие как внешность.

Она выглядела более юной, чем можно было ожидать от человека ее возраста, но черты ее лица ни в коем случае не были детскими. Мальчику нравилось видеть, как его собственная форма отражается в этих веселых, но острых глазах. Один только взгляд в ее глаза придавал ему уверенности в себе и позволял почувствовать себя хоть немного ближе к ней в плане мастерства колдуна.

Тем не менее, возможности разделить это время были немногочисленны и ограничены почти исключительно боевыми тренировками. Даже эти редкие случаи обычно заканчивались довольно неожиданно: девушка приближалась к нему, ловко проскальзывала под его рукой и перекидывала его через плечо, словно он был невесомой тряпичной куклой.

"Если бы я не знала лучше, я бы сказала, что тебе на самом деле нравится, когда я тебя швыряю", - эту фразу она использовала так часто, что она практически стала основным элементом их отношений.

У мальчика не хватило духу сказать ей, что ее предположение было верным. Вспоминая эти разговоры, мальчик чувствовал себя так, словно это были события целой жизни, хотя на самом деле подобный распорядок дня продолжался всего несколько лет назад - но для него эти несколько лет могли быть и целой жизнью. Мальчик очень скучал по тем драгоценным дням.

Настолько, что он обнаружил, что тоскует по ним даже в своих собственных снах... учитывая все

Несмотря на все достижения и популярность, которых добилась ведьма Хаоса Азалия при жизни, ее похороны были совершенно неестественно подавлены. Судя по всему, мальчик был одним из тех, кто так считает, потому что среди толпы - особенно среди старейшин - явно было несколько человек, которые испытывали к ней сильное отвращение даже на ее похоронах. Он мог разобрать лишь обрывки их слов, но даже в этих обрывочных фразах скрывалась ядовитая злоба. В глубине души мальчик знал, что никогда не забудет, как люди говорили об Азали на ее собственных похоронах.

"...я до сих пор в шоке, что она опустилась так низко.

"Если учесть количество свидетелей..."

"На этот раз она втянула нас в настоящую горячую воду. Если об этом когда-нибудь станет известно..."

"Люди из королевского дворца уже работают над тем, чтобы помочь скрыть этот беспорядок..."

"Это всего лишь чрезвычайные меры. Настоящая проблема все еще..."

"Это самый большой позор в истории Башни..."

"Настоящий позор для всех нас..." Позор.

Слово, пронесшееся по толпе, навсегда запечатлелось в его сознании - но он уже давно миновал

в тот момент, когда это имело для него значение. Она могла буквально впиться в его плоть, и он бы даже не поморщился от боли. Взгляд мальчика переместился на задний сад Тауэра. Похоронная процессия, частью которой он был, только что ушла отсюда. Как можно незаметнее.

Горстка людей осталась в саду, провожая процессию. Можно было заметить несколько человек, которые явно были близкими друзьями Азали при ее жизни, но даже они, казалось, носили те же нецензурные выражения, что и старейшины, попирающие ее имя. По крайней мере, так выглядела эта сцена с точки зрения мальчика.

Похоронная процессия постепенно поднималась на холм, ведущий к общественному кладбищу. Мальчик уныло повесил голову, идя прямо за гробом ведьмы - место, которое никто не осмеливался занять.

"Крылансело". Мальчик впервые поднял голову только после того, как было названо его имя. Мальчик - Крылансело - повернулся лицом к обладателю голоса, рыжеволосому мальчику того же возраста, что и он.

"Хиртия?" Выражение лица Крылансело оставалось совершенно пустым, когда он отвечал мальчику.

"Я не думал, что ты придешь".

"Из всех учеников Чайлдмана мы единственные, кто действительно пришел". одиноким голосом ответил Хиртия, смахивая с глаз свои ярко-рыжие волосы. Его голова могла бы даже сиять на свету, если бы не солнце. К сожалению, солнце было скрыто за пеленой облаков, которые казались почти вырезанными из мрамора, что жутко подходило к атмосфере, витавшей в воздухе.

"А что насчет мистера Чайлдмана?"

"Вы, должно быть, еще более не в духе, чем я думал.

Он вон там, видишь?" Проследив за взглядом Хиртии, Крылансело легко заметил их инструктора. Он возглавлял процессию.

"Ну, неважно", - пробормотал он, как будто это было неважно в любом случае. Был там этот человек или нет, Крылансело уже не имело значения - для него уже ничто не имело значения.

Он даже не видел смысла жить дальше.

"Возьми себя в руки. Я знаю, что Азали была - слушай, я знаю, что она много значила для тебя. Я знаю, что она должна была значить для тебя больше, чем я когда-либо смогу понять. Но ты сейчас ведешь себя так, будто находишься на собственных похоронах".

"Кто знает, может, и так".

"Нет. Ты не такой." С этими словами Хиртия оставил своего друга, чтобы подбодрить его, а затем ускорил шаг, чтобы догнать их инструктора. Крылансело наблюдал, как спина Хиртии постепенно отдаляется от него самого, и в конце концов его взгляд остановился на заднем профиле высокого черного колдуна, известного как Чайлдмен.

Чайлдман - он был бесспорно одним из самых талантливых черных колдунов на всем континенте. Даже те, кто сомневался в слухах о его мастерстве, были бы вынуждены изменить свое мнение, если бы увидели его воочию. Хотя ему было всего около двадцати лет, его свирепое тело и суровое выражение лица впечатляли не меньше, чем воин, каким его представляли слухи. Его длинные черные волосы доходили до спины и были стянуты шнуром на затылке. Однако волосы не были уложены так специально, а выглядели так, будто он просто не потрудился их подстричь.

Похоронная процессия, казалось, тянулась целую вечность, и слово "Позор" эхом уходило в вечность вместе с ней.

Кладбище на вершине холма с первого взгляда казалось плотно заставленным надгробиями, но таинственным образом всегда оставалось место для новых. Распорядитель похорон возглавил процессию к пустой могиле, ожидающей своего нового приношения, а те, кто нес гроб, следовали позади с легкостью в шаге, неестественной для группы людей, несущих умершего человека к месту его упокоения. Крылансело, которой не хотелось присутствовать на похоронах, подслушала, как эти самые люди болтали в зале ожидания о том, что гроб вполне может быть легким, ведь это всего лишь труп молодой женщины.

Нет, это неправильно, подумал Крыланчело. То, что лежит в гробу, не труп молодой женщины. Гроб опускали в заранее вырытую для него яму, и присутствующие по очереди лопатой засыпали могильную яму. Крылансело наблюдал за происходящим без выражения. Он смотрел, как Чайлдман своими сильными руками забрасывает грязь в яму. Он смотрел, как Хиртия ловко управляет лопатой. Он даже видел, как старейшины - которые не были настолько хамоваты, чтобы продолжать свою язвительную клевету во время этой части - по очереди засыпали яму, очевидно, удовлетворенные тем, что по крайней мере грязь прикрывает их столь ненавистный "позор".

Мысли Крылансело приняли мрачный оборот. Отлично, утони в своем удовлетворении. Прикрывай свой "позор" сколько хочешь. Если для тебя этого достаточно, то выступай от души.

Вскоре пришла его очередь опускать грязь.

Крыланчело смотрел на рукоятку лопаты так, словно это был какой-то таинственный предмет из чужой реальности. Он стоял так довольно долго, пока кто-то в толпе не прочистил горло, как бы говоря ему, чтобы он поторопился и покончил с этим. Прошло довольно много времени, но наконец Крыланчело поднял лопату своими руками.

С оружием в руках он опустился в могилу и ударил лопатой по гробу, вложив в удар всю свою силу. Лопата легко пробила деревянную раму прямо по центру и вырвалась с другой стороны с

таким же небольшим сопротивлением.

Среди присутствующих на похоронах поднялся приглушенный шум, но поскольку все они были боевыми колдунами, ни один из них не позволил своему удивлению подняться на лицо. Ни распорядитель похорон, ни старейшины, ни даже Чилдман или Хиртия. Носильщики гроба восприняли это как сигнал к уходу - их работа была закончена.

Это была неглубокая могила во всех смыслах. Крылансело стоял там со вздернутым выражением лица и обвиняюще обращался ко всем присутствующим.

"Скажи мне, для кого предназначены эти похороны?"

"...Эти похороны предназначены для моей любимой ученицы Азали, Крылансело". Поскольку Чилдрнан был единственным, кто ответил, Крылансело направил свои следующие слова на инструктора.

"Тогда ты скажешь мне, что в этом гробу лежит ее труп?"

"Нет. Как вам хорошо известно, этот гроб пуст". Голос Чайлдмана оставался таким же строгим и величественным, как и всегда. Это было похоже на разговор с валуном - все равно что высказывать бессмысленные жалобы валуну, который неумолимо преграждает путь.

Но это нисколько не обеспокоило Крыланчело.

"Если ее гроб пуст, значит, это не ее похороны!"

"Хватит заниматься софистикой".

"Софистика! Азали все еще жива, и ты знаешь это так же хорошо, как и я!"

"Все зависит от субъективного определения.

слова "живой", я бы сказал".

Чайлдман протянул руку в сторону Крылансело и продолжил: "Если бы вы спросили меня, я бы еще раз сообщил вам, что моей любимой ученицы Азали больше нет в этом мире. Полагаю, что большинство других людей с этим согласятся". Крылансело отбил руку Чайлдмана.

<http://tl.rulate.ru/book/16060/1705886>